

змиеве человекообразнии, движюще съставления своа от ухищрения преисподняго змиа и богомудрьским коварством учаху сице приложити или уложити от страшныа славы смотрения вседръжителя; приложения же их и уложения сицева: оvem глаголющим, яко не воплотися бог, тые духовборци суть и мняхуся славу прилагаючи к нагому божеству, а бог Слово плоть бысть; друземь же глаголющимь: гленно быти Христово естество, тые суть уемлють славы от единосущныа Троици, отсекающе животворящее Слово Христа от Отца и Духа. . . Глаголють бо духовборци, яко не воплотился бог, и како разделяють неразлучнаго; глаголаху бо христовборци, яко не присносущен Сын Слово божие Христос Отцу и Духови. . . не восхотеша бо приати безумнии царя славы Христа, от пророк проповеданнаго, преже векъ живущаго Слово во бже, в Отце и во пресвятемь Дусе. . .» ⁷⁹.

Ефросин намекает сторонникам Иева, что, отрицая прославление в сугубой аллилуе божеского и человеческого естества Христа, они умаляют славу Христа и уподобляются тем еретикам, против которых столь активно боролись псковская церковь и сам Иев, который в 1422 или 1425 г. посылался псковскими властями к митрополиту Фотию с очередным донесением о еретиках ⁸⁰.

В пользу существования во второй трети XV в. такой ереси свидетельствует теперь и появление во Пскове в эти же годы рассмотренной выше иконы.

Следует заметить, что сложная композиция эта могла быть понятна только людям, обладавшим солидной богословской эрудицией. Именно такими единогласно представляют источники стригольников, говоря о них как о «книжниках» ⁸¹, которые досконально изучили «словеса книжная» ⁸².

С другой стороны, не меньшей эрудицией должен был обладать и тот, кто сочинил эту композицию. Едва ли будет ошибкой предположить, что в создании иконы принял деятельное участие тот самый Иев Столп, который по характеристике, данной ему автором жития Ефросина, «смыслен мняйся имети разум и мудр зело помышляяся и внутрь себе кичайся и глаголаше яко съвршено от бога сице даровася ему протлькование всякого писаниа, ветхаго и новаго завета; та же и извыче много повествовати и многу протолкуа силу книжную. Та же бяху вси людие, купно же и священници и причет церковный, прихождаху к нему вопрошати от него о всяком писании неразрешенем, и о церковном устроении, купно же о законных вещех. . . да того ради от всех досточестен и достознаем и словяше в них дострочен философ, имаше бо остромыслен ум на божественое писание, того бо ради и Столп нарицашеся, яко столп церковный благочестию поддръжаше крепость и тверд учитель православияу наставник» ⁸³.

В своих посланиях во Псков митрополит Фотий постоянно и настойчиво напоминает о необходимости попыток переубедить еретиков, «направити их в богоразумие и в познание истинны еуаггелия слушати и апостольских и отеческих преданей» ⁸⁴. В грамоте от 23 сентября 1416 г. он советует: «а тех омраченых *очесы* и ушесы уверяйте и накажайте ко истинному пути» ⁸⁵. Создание символической иконы было буквальным исполнением этого совета.

⁷⁹ Житие преподобного Ефросина Псковского (первоначальная редакция). СПб., 1909, с. 25—26. В начале цитаты при издании текста допущена ошибка: слово «нечествующе» напечатано слитно с союзом «и»: «нечествующеи древле».

⁸⁰ Казакова Н. А., Лурье Я. С. Указ. соч., с. 248.

⁸¹ Там же, с. 242.

⁸² Там же, с. 239.

⁸³ Житие преподобного Ефросина Псковского, с. 11.

⁸⁴ Казакова Н. А., Лурье Я. С. Указ. соч., с. 250; ср. с. 252, 253, 254.

⁸⁵ Там же, с. 246.